

Нет ничего прекраснее, чем расследовать тайну. Она — начало любого искусства, любой истинной науки.

Альберт Эйнштейн

ПРОЛОГ 110000110000110000110000110000110000

Париж, 17 июня, 1:45

Человек прибавил шаг, явно торопясь. Время работало против него. Он как будто мчался с ним наперегонки. Слухи о его научных изысканиях расплзлись, и теперь до него рано или поздно доберутся. Лучше бы поздно. Он вбежал в совершенно пустой переулок — в такой час вокруг ни души. Этой ночью его охватило плохое предчувствие. У Парижа существует темная изнанка, о которой большинство жителей даже не подозревает. Да так-то и лучше. Не стоит людям в подробностях знать, что творится прямо у них под носом. Человек уже предугадал, что произойдет. Он был глубоко в этом уверен. До заветной цели рукой подать, но охота только началась. С первого дня исследований он знал, чем это закончится. И был осторожен, но его все равно нашли.

Резким движением он выхватил телефон и позвонил другу. Прижав трубку к уху, еще ускорил шаг. Сзади слышались шаги. Не оставалось сомнений: за ним кто-то гнался. Три длинных гудка — и вот... автоответчик.

— Черт!

Он прослушал запись и глянул через плечо: никого. Но ведь человек знал: они уже здесь. Он чувствовал их присутствие, чувствовал засаду.

— Это я. Я нашел ее, но мне нужна твоя помощь. Позаботься о нем, пожалуйста. Не дай им добраться до него. Они точно уже ищут. Защити его и скажи, что все, что я сделал, было ради его блага.

Человек повесил трубку. Не попрощавшись. Просто нажал на кнопку и сунул телефон в карман. Шаги приближались. Времени мало. Он быстро свернул за угол и оглянулся: кругом только темные дома да заброшенные заводы. Мозг судорожно анализировал ситуацию. Найти выход. Немедленно. Помочь ему некому. Он один против них, тех, кто сзади. Когда он добрался до той самой информации, то уже знал, что ему не поздоровится. Они столетиями ждали возможности найти реликвию, позволяющую обрести власть над миром. А его шансы выжить сводились к нулю. В глубине души он всегда об этом знал. Оставалось лишь надеяться. Слабый, но упрямый луч надежды. Еще можно все изменить.

Его машина стояла неподалеку. Сделав усилие, он мог бы добраться до нее и передохнуть. Да, так и нужно. Вдруг на другом конце улицы вырос чей-то силуэт. Против света фонаря человек не разглядел лица. Резко остановился, готовый повернуть обратно. Но когда обернулся, то увидел еще двоих преследователей. Ловушка. Думай. Тебе необходимо сбежать. Противники уже шли к нему, предвкушая победу. Дело плохо. Недолго думая, человек бросился к пожарной лестнице напротив. Все завертелось в бешеном ритме. Он стремительно взлетал вверх по ступенькам. Противники бросились вдогонку. Нельзя дать им сократить расстояние. Любой ценой. Иначе все пропало. Лестница задрожала: двое уже близко. Третий наверняка пошел в обход. Сбежать по крышам больше шансов. Пожалуй, единственная возможность не погибнуть тут, на месте. Сердце заколотилось. Если он хочет выбраться, нужно сохранять спокойствие. Легко сказать... Вот она, последняя ступенька. Человек взглянул вниз. Черт! Они уже близко. Совсем рядом. Время утекало сквозь пальцы, как песок. Человек запрыгнул на крышу. Он потерял несколько драгоценных секунд, но тут же навестал. По его наблюдениям, у дома слева крыша пониже. Человек бросился в ту сторону. Добежав до края, глубоко вдохнул: выбора нет, надо прыгать. Преследователи успели только добежать до края крыши, а он был уже

на той стороне улицы. Ах, если бы друг ответил на звонок... Лишь бы он получил сообщение и сделал все необходимое. Но размышлять некогда: нужно собрать все силы в кулак и бежать. Одна цель. Сбежать и добраться до машины. Иначе все кончено. Под ногами хрустел гравий. Луна едва светила, но этого хватило, чтобы разобрать дорогу. Противники терялись в лунном свете, их не было видно. Ладно. Нужно спешить. Человек зло сжал кулаки. Едва он добрался до другой пожарной лестницы, как над головой просвистела пуля.

— Какого... — выругался он, соскользнув по перилам вниз.

Другая пуля отлетела рикошетом у самой ступни. Почему сегодня ночью он не захватил пистолет? Как глупо! Слишком торопился вернуться домой, хотел сбежать от всего этого безумия хоть на пару минут. Неосторожность может стоить ему жизни. Но ведь его жизнь — ничто по сравнению с тем, что поставлено на карту. Они не должны добраться до нее — только это важно.

Едва ноги коснулись земли, как он помчался, словно за ним гналась сама смерть. Да ведь так оно и было. Еще чуть-чуть. Два переулка. Машина прямо тут, за углом. Он не может облажаться сейчас. Даже не думай. Дыхание перехватило. Один за другим раздавались выстрелы. Вдруг острая боль пронзила плечо. Человек закричал,

по обездвиженной руке потекла кровь. Одна пуля угодила в предплечье. Сердце забилося чаще. Вторая — в бедро. Рана сама по себе не страшная, но вот боль невыносима. Это конец. Схватка насмерть. Он знал это, но продолжал бежать. По крайней мере, пытался. Бежать, что бы ни случилось. Ноги уже подкашивались, однако человек не собирался сдаваться. У него открылось второе дыхание — только адреналин не давал ему упасть.

Всего десять метров.

Быстрее. Человек закричал от ярости и отчаяния.

Семь метров.

Все тело превратилось в одну сплошную боль, но он не думал об этом и не останавливался. Он не мог облажаться.

Пять метров.

Его лицо расплылось в улыбке. Может быть. Да, все может быть.

Три метра.

Человек достал ключи и нажал на кнопку — клик-клик.

Два метра.

Человек быстро открыл дверцу. Нечего было и думать о том, чтобы завести сейчас машину и сбежать. Он потерял слишком много крови, голова кружилась. На пассажирском сиденье лежал компьютер. Из последних сил человек открыл экран. Сейчас или никогда.

[ВВЕСТИ ПАРОЛЬ]

Именно для таких ситуаций предусмотрен протокол срочной разблокировки — важная мера безопасности. Один-единственный пароль, чтобы отправить последнее сообщение. Быстро. Эффективно. Без пустой траты времени. Человек стучал по клавишам с бешеной скоростью, а преследователи подбирались все ближе. Он знал: конец неминуем.

[*****]

Звуковой сигнал — экран разблокирован. Открылось одно-единственное окошко. Его последний шанс. Готовое сообщение. Нужно лишь подтвердить. Клик мышкой — и все кончится.

Отправитель: Неизвестен

Получатель: Transport_24@gmail.com

Тема: Доставка

Доставить посылку № 24 по указанному адресу согласно предусмотренным мерам.

Деньги перечислят на ваш счет сразу после доставки.

Р.К.

Человек протянул руку. Противники уже за лобовым стеклом. Тот, что справа, направил на него пистолет.

Время замерло. Он спустил курок, раздался выстрел — лишь краем глаза человек заметил ухмылку на лице убийцы и повалился на пассажирское сиденье. Пуля попала прямо в голову. И тут компьютер издал еще один звуковой сигнал.

[СООБЩЕНИЕ ОТПРАВЛЕНО — УНИЧТОЖЕНИЕ ДАННЫХ]

1 110000110000110000110000110000110001

Пуасси, 17 сентября

— Ну что? Думаешь, получится?

Жереми смотрел на меня глазами побитой собаки. Нервничает, это видно, иначе бы не оборачивался каждые тридцать секунд — ведь так он точно не останется незамеченным. Прищурившись, я наблюдал за ним: Жереми был выше меня на целую голову и всегда ходил с прямой спиной. Такие парни терпеть не могут, когда девушки их бросают.

— Да, получится, — сказал я, вздохнув.

— Круто. Тогда, как и договаривались, я тебе все сообщу после урока.

Жереми победно улыбнулся. Мне даже жаль его разочаровывать. Почти жаль. Я отошел от стены, на которую опирался спиной, и осмотрелся. Ученики уже

собирались у двери в класс. Завидев меня издалека, Луиза помахала рукой.

— Получится, но делать я этого не буду, — объявил я, направляясь к подруге.

— Куда это ты? — Жереми схватил меня за руку.

Я глянул на него исподлобья и спокойно, но с угрозой отчеканил:

— Отпусти сейчас же.

Жереми уловил едва завуалированное предостережение, убрал руку и отошел.

— Ты же сам сказал, что получится. Почему вдруг даешь заднюю?

— Я таким не занимаюсь.

Мстить по личным мотивам против моих правил. Этот парень не просто хочет проследить за своей бывшей — он хочет унижить ее, полюбоваться ее страданиями, посмотреть, как она сломается. А этого никак нельзя допускать. Пусть я и хакер, но у меня есть принципы.

— Ты серьезно? Может, сразу признаешься, что слабó? Наверняка ты даже простой ящик взломать не сможешь!

Он повысил голос — а вот это зря. Так он точно не добьется своего. Плохо меня знает. Я ненавижу травлю: ее хватает в школе и без моего участия. К тому же Элоди правильно сделала, что бросила этого болвана. Она заслуживает лучшего.

— А теперь ты сделаешь то, что я скажу, и молча, а не то... — продолжал красный от злости Жереми.

Не дождавшись, пока он договорит, я схватил его руку и завел за спину, изо всех сил прижав его голову к стене — ссадина на щеке послужит ему уроком.

— А не то что? — прошептал я ему на ухо. — А теперь послушай меня ты. Если у тебя оказался мой мейл, значит, тебе кто-то его дал. Кто-то, кому я когда-то помог, и он знает, на что я способен. И если я говорю «нет», это значит «нет». В следующий раз, если будешь мне угрожать или хоть пальцем тронешь, я поговорю по-другому. Понял?

Жереми попытался что-то сказать, но его лицо было так прижато к стене, что я ничего не расслышал. Выдержав несколько секунд, я отпустил беднягу. Он потер правую щеку, на ней остался красный след от шероховатой стены. Я не двигался с места в ожидании ответа. Немного очухавшись, Жереми просто кивнул. Отлично. До него дошло. Я уже направился к Луизе, но обернулся и бросил ему:

— Кстати, если я вдруг узнаю, что ты причинил вред Элоди, будешь иметь дело со мной.

Когда уже прозвенел звонок, я подошел к своей лучшей подруге. Ученики гурьбой бросились в класс.

Я поправил лямку ранца, ожидая в стороне: лучше уж всех пропустить.

— Что там? — спросила Луиза, оказавшись рядом.

— Где — там?

— С Жереми...

— Да тупой он, — перебил я ее. — В жизни не стану что-то для него делать. И уж тем более против девушки, которая смогла отказать ему.

Отбросив волосы назад, Луиза улыбнулась. Ее глаза блестели. Я знал, что моя лучшая подруга того же мнения. Она знает о моем хобби и в курсе, что я пользуюсь своими познаниями в информатике, чтобы взламывать мейлы, аккаунты в Фейсбуке, Инстаграме и других соц-сетях, чтобы помогать друзьям или тем, кто стал жертвой несправедливости, а уж ее-то в школе пруд пруди — и это меня бесит. В большинстве случаев нужно защитить чью-то тайну или стереть пару фотографий, но я всегда придерживаюсь принципа: никогда не участвовать в травле. Уж тем более в кибертравле. Моя задача — помочь тем, за кого некому заступиться.

Наконец поток учеников иссяк, и мы вошли в класс.

— Мне так не хочется на урок, — пожаловалась Луиза.

— Мне тоже. Сегодня хоть нет контрольных.

— Ага, будем в это верить.

Прозвенел второй — последний — звонок на урок. Мы наконец вошли. Чем ближе я подходил к парте, тем сильнее сжималось горло. Сегодня особенный день. Ровно три месяца назад умер мой отец.

2 110000110000110000110000110000110000110010

— Вот здорово, теперь я точно выбьюсь в отличницы! — воскликнула Луиза, усаживаясь рядом.

Она победно улыбнулась, а я ей подмигнул. Моя подруга входит в тройку лучших учеников в классе. А почему бы и нет — ведь Луиза способная, очень много занимается и полностью заслужила каждую свою пятерку. Наш учитель, месье Мартин, долго раздавал оставшиеся контрольные. Достаточно взглянуть на лица одноклассников, чтобы понять, кто из них завалил работу. Гримаса Жереми не оставляет никаких сомнений: снова двойка. Увы, такова карма. Стопка уменьшалась. Скоро подойдет моя очередь. Пока я ждал вердикта, Луиза уткнулась в свою контрольную. Чего, собственно, я жду? Моя жизнь не перевернется от плохой или хорошей оценки. Я воспользовался паузой, чтобы проверить телефон: разблокировал экран и зашел в почтовый ящик. Новое сообщение. По теме сразу понятно: еще один ученик

нуждается в моей помощи. Я уже собрался ему ответить, как месье Мартин подошел ко мне. Из-за очков он кажется строгим, но я прекрасно знаю, что это не так.

— Месье Картье, — объявил учитель, подойдя к парте, — история гораздо важнее, чем вам кажется.

Месье Мартин поправил очки на носу и отдал мне работу. «Два с плюсом». Даже не вшивая тройка. Нет, «два с плюсом». Раздался глубокий вздох.

— Вы не можете нарисовать мне хотя бы троечку с минусом за красивые глаза? — спросил я, улыбнувшись своей лучезарной улыбкой на свете.

— Эван, — пробурчал он недовольно.

Все в классе расхохотались. Мой друг Давид, сидевший сзади, похлопал меня по спине, оценив шутку. Только вот месье Мартин не засмеялся. Я ждал, что он разозлится и накричит на меня, но ничего подобного. Он просто покачал головой, как обычно.

— С таким отношением вы ничего не добьетесь в жизни.

Сжав кулаки под партой, я промолчал. Учитель истории хочет, чтобы я чего-то добился в жизни, хотя моя жизнь уже пуста. Луиза заметила мою реакцию и взяла за руку. Ее прикосновение подействовало как катализатор, аварийный выход для злости, от которой я уже чуть было не лопнул. Месье Мартин неловким жестом

протянул мне работу и закусил губу. Он просто потерял дар речи. Как и весь класс. Вся школа знала о приключившейся со мной трагедии. Я с опозданием начал учебу в этом году, потому что в папин дом переехала бабушка. Все лето я провел с ней, подальше от случившегося, а потом пришлось улаживать вопросы с бумагами и перевозить ее вещи. Единственным человеком, с которым я поддерживал контакт, была Луиза.

Сдерживать поселившуюся внутри злость стоило невероятных усилий. Но я всегда с ней справлялся, пусть это и сильнее меня. Однако сегодня утром она заседала глубоко внутри, и я ничего не мог поделать. Знаю, я должен думать о другом, но очень хочется, чтобы мне объяснили, как дальше жить, когда в четыре года теряешь мать и только что — в четырнадцать — переживаешь смерть отца... Как дальше жить, когда единственный оставшийся живой член семьи — это бабушка по папиной линии? Правда, есть еще дядя, которого никто никогда не видел, потому что он живет у черта на рогах. Если кто-то мне разъяснит, как мне теперь жить, — я с удовольствием послушаю.

— Мне очень жаль, Эван, — начал месье Мартин. — Ты же знаешь, я пытаюсь помочь.

Да ну! Все так говорят. Психологи, учителя и даже незнакомые люди. Когда речь заходит о смерти, открыва-

ется просто поразительный источник сочувствия. Только вот звучит все это фальшиво. Не нужна мне помощь. Мне нужен мой отец. Но он не вернется. Никогда.

— Я знаю!

— Тогда как ты объяснишь эту оценку? Я же знаю, ты способен на большее.

— Ничего вы обо мне не знаете!

Прозвучало слишком громко. Я готов был взорваться: меня трясло, нервы, казалось, вот-вот лопнут. Однако я ничуть не старался успокоиться. Учитель истории всегда видел меня насквозь. Может, поэтому я и вел себя безупречно именно на его уроках. Ну то есть в целом хорошо. Но сегодня меня все бесило. Луиза слегка сжала мне руку и отпустила. Мы встретились взглядами: я понимал, что она пытается мне помочь сбросить напряжение, расслабиться. Напрасно. Сегодня не мой день.

— Эван, с меня хватит! — прогремел месье Мартин. Глаза учеников были прикованы к нему.

Он грозно посмотрел на меня, но я и бровью не повел.

— Тогда с меня хватит ваших дурацких уроков!

Месье Мартин провел ладонью по лицу, вздохнул и побрел к столу. Уверен, ему очень не нравилось, что я оказался среди его учеников в этом году: скоро на пенсию, и он надеялся провести последние годы без бунтов и волнений. Не тут-то было. Я пытался поймать его взгляд.